

**В вихре
времени**

Вячеслав СИЗОВ

МЫ
ИЗ БРЕСТА

Рейд выживших

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С34

Художественный редактор *П. Волков*
В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Сизов, Вячеслав Николаевич.

С34 Мы из Бреста. Рейд выживших / Вячеслав Сизов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2017. — 416 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-04-089017-0

Продолжение бестселлера «Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон»!

22 июня 1941 года наш современник принимает бой в Брестской крепости, спасает ее гарнизон, прорывается из окружения и открывает новый фронт в глубоком тылу противника.

С помощью освобожденных советских пленных истребляет охранные и тыловые части Вермахта, вспомогательные полицейские батальоны украинских нацистов и айнзацкоманды карателей, громит секретный разведцентр Абвера, захватывает вражеский аэродром, уничтожив летный состав 51-й истребительной эскадры Люфтваффе, атакует немецкие штабы, ликвидирует командующего 3-й Танковой Группой генерала Гота и берет в плен Гудериана.

Делает все, чтобы изменить ход войны и предотвратить катастрофу 1941 года!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089017-0

© Сизов В. Н., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Если есть силы бежать, то кто поверит, что нет сил сражаться?!

Несколько человек в маскировочных костюмах советского образца быстро и почти бесшумно двигались по предрассветному лесу. Иногда, повинувшись команде, они на несколько минут замирали, настороженно прислушивались к лесным звукам, а потом снова продолжали движение. Выйдя к поляне с одиноко стоящим раскидистым дубом, группа распалась. Несколько бойцов заняли позиции среди деревьев, а остальные принялись в бинокль изучать округу. Удостоверившись, что все тихо, один из них бегом достиг дуба и, засунув руку в дупло, что-то в нем поискал, а затем вернулся к остальным. На немой вопрос старшего он показал испачканные в «тавоге» пальцы и отрицательно покачал головой. После этого группа вновь растаяла в глубине леса.

ГЛАВА 1

Лесной лагерь

День набирал свою силу. Все больше бойцов просыпалось, осматривалось по сторонам, ища знакомых и своих командиров. Они собирались в небольшие группы, вели неспешный разговор, ели. Все чаще раздавался тихий смех. Люди, несмотря на усталость прошедшей ночи, наслаждались погожим днем и относительной тишиной.

А меня вот грызли мысли.

Во-первых, вода. У большинства бойцов она подошла к концу. Несмотря на режим экономии, многие фляжки на ремнях были уже пусты. Последний раз мы набирали в них воду еще в цитадели до выхода на Северный остров. Там пополнить ее запасы было негде, да и некогда. У бойцов моего взвода и части пограничников имелись трофейные термосы, но на то количество, что здесь собралось, это капля в море. А сколько тут сидеть, неизвестно.

Во-вторых, путь отсюда. Еще утром разведка ушла его искать, но пока не вернулась. В том, что они его найдут, я уверен. Ведь пошли не абы кто, а мои егеря.

В-третьих, питание личного состава. Парни все молодые, крепкие, банку «тушняка» за один раз молотят, вот и считай: только на здесь присутствующих вместе с ушедшими в разведку надо шестьдесят одну банку. А еще раненые и мобгруппа. Пока есть небольшой за-

пас консервов, захваченных на складе, а дальше придется перейти на подножный корм (это если склад и схрон в лесу погиб или растащен). Тут выход один: потрошить немецкие склады, гарнизоны и колонны. Ну и у местного населения что-то покупать, благо деньгами запаслись.

В-четвертых, раненые. Те, кто уехал на машинах, и те, кто здесь. Машины увезли двенадцать человек, в том числе трех тяжелых. С ними уехал и военфельдшер из 125-го полка, присоединившийся к нам на Кобринском укреплении. Здесь в группе остались раненые, кто может сам передвигаться, а таких практически половина отряда. У многих раны старые, еще с боев в цитадели, но хватает и тех, кто получил раны в ночной схватке. Вот сейчас Самойлов и обрабатывает их.

В-пятых, мучил вопрос о тех, кто остался прикрывать наш отход из Северных ворот. Во многом отсутствие погони за нами обусловлено их действиями.

Были и другие вопросы — разобрать собранные документы врага, составить донесения и заполнить журналы боевых действий. Да, именно журналы, а не один. Почему так получилось? Да потому, что, кроме моего взвода, были бойцы и других частей. Тех же конвойников, а я как-никак принял над ними командование. Правда, мало их осталось. Всего пять человек из шести десятков, что я возглавил 22 июня. Остальные пали в цитадели и на Кобринском. Главное — Боевое знамя цело, а раз оно живо — то цела и воинская часть. Кроме него, у меня сохранились печать и штампы батальона. Выйдем к своим, сдадим все, батальон пойдет на переформирование и снова будет в бою. Так что самописку в руки и — заполнять бумаги. Видя, что я проснулся и занялся бумагомарательством, ко мне подтянулись командиры групп, вскоре массовая эпидемия бюрократии охватила все командные вершины отряда.

Разведчики вернулись к обеду, когда все «жданки» давно прошли и я собирался отправить очередную группу на поиски выхода. По их сообщению, овраг — это оплывшие и заросшие кустарником старые позиции. Он тянется около километра, затем поворачивает в с. Речица. Прямого выхода из оврага к лесу нет. Вокруг открытое пространство, которое просматривается немецкими наблюдателями с пограничных вышек, укреплений и автомашин. Подходы к лесу контролируются вражескими постами и мобильными патрулями. На глазах разведчиков немцами была обнаружена и пленена группа красноармейцев, пытавшихся через поле прорваться в лес. Несмотря на это, парням удалось найти место, где можно было незаметно просочиться между постами, — русло практически полностью пересохшего ручья. Немецкие посты расположены в нескольких десятках метров от ручья и до пятидесяти метров друг от друга. Локтевой связи между собой они не имеют. На постах задействовано по пять стрелков во главе с унтер-офицером или ефрейтором. Из средств усиления у них ручные пулеметы. Наблюдение ведут только за полем. Поэтому небольшим группам по два-три человека прорыв в лес по руслу ручья вполне возможен. В лесу, накопив силы, можно ударить по засаде с тыла, обеспечив прорыв остальных. Предложение правильное и очень своевременное. Торчать в овраге для нас смерти подобно. Нахождение здесь шестидесяти человек долго скрывать нереально. Об этом расскажут банки от тушенки, куски индивидуальных пакетов (пользовались в основном трофейными, наши еще 22 июня закончились) и следы жизнедеятельности — все же живые люди есть, пить, отлить и т.д. хотят. Хоть и оборудовали в стороне отхожее место и по исходу его замаскируем, но все равно на земле следов оставили кучу. Тут и лежки и тропинки, а по ним рассчитать, сколько нас, вполне

возможно. Так что ноги в руки — и отсюда поскорее. Нам бы лишь до леса добраться, а он укроет и защитит.

Нищему собираться — только подпоясаться. Вот и нам тоже хватило всего пары минут, чтобы свернуть лагерь, скрыть следы своего пребывания, проверить оружие и следовать за разведкой, которая, показывая дорогу, как всегда, двигалась впереди. За ними основная группа с ранеными. Сзади прикрывал все это аррьергард во главе со мной любимым. На всякий случай мои парни по пути поставили несколько «сигналок» и растяжек для преследователей. Глядишь, кто на них и нарвется, если наше пребывание в овраге обнаружат. Об отступлении обратно даже не думал. У нас только одна дорога — все время вперед, в пущу. Пусть даже с боем придется туда пробиваться, но я все же надеялся на лучшее. Нет у немцев столько сил, чтобы блокировать весь лес. Им для этого надо минимум пару свободных полков иметь, а их у них точно нет, все к линии фронта идут. Они там им ой как потребны. Одними танками территорию не удержишь, а взорванные мосты ускорить продвижение войск не позволяют. Потому нам и удалось из крепости выйти без большого боя, что не было у немцев сил для полноценной блокады крепости. Это подтвердили и дозорные, за все время нашей стоянки насчитавшие всего пару машин с пехотой, двигавшихся по дороге на Каменец. Так что шансы у нас есть, и не маленькие. Если разведка нашла один путь, значит, есть еще. Ну а нет, так будет бой, из которого мы постараемся выйти победителями. Что нам десяток человек с парой пулеметов? Так, на один зубок!

Маршрут пролегал по дну оврага среди зарослей кустарника и незаметно для наблюдателей врага. Помогло то, что почти все бойцы были одеты в «лохматки» и на фоне зарослей их было не различить. К месту сбора и очередного прорыва вышли быстро. Тут нас ждал

сюрприз. В бинокль было видно, как немецкие подразделения выходили и грузились в подъехавшие грузовики. К чему бы это? Что произошло? Неужели немецкое командование решило, что оно выполнило свою задачу удержания гарнизона в крепости и выловило всех вырвавшихся из нее? Все эти мысли роились в моей голове с быстротой молнии, ища ответ и не находя его. Что бы ни произошло у немцев — нам только на руку. У меня вообще сложилось впечатление, что немцы с нами в поддавки играют. Как еще можно объяснить их действия? Как таковое преследование организовано не было. Войска не прочесывали местность. Для выявления мест дислокации прорвавшихся не использовалась авиация. Она вообще не работала по крепости все эти дни, хотя пролетала над ней постоянно. Странно все это! Ну да для нас же лучше. Где ползком, где на карачках, где короткими перебежками, но мы прорвались через поле, и кусты надежно укрыли нас в подлеске. Дальше был марш к нашему старому и доброму лагерю у реки Лесной.

По пути заодно проверили сохранность склада. Он был цел, хоть и значительно уменьшился в размере. Тот, кто здесь похозяйничал, взял в основном боеприпасы. Интересно, кто это тут без меня мои «захоронки» трогал? Неизвестные действовали аккуратно, стараясь не оставить следов и не раскрыть местонахождение склада. Продовольствие и часть снаряжения остались на месте. Все, кто знал о месте расположения склада, были со мной в цитадели, остальные в схроне за хутором. Тогда кто? Наши ротные? О закладке знали всего несколько человек из моего взвода, и они были строго предупреждены о неразглашении. До сих пор на ребят можно было положиться, не было заметно любителей особо поговорить. Хотя кто его знает, что у людей на уме! Немцы? Не думаю. Они бы забрали все и заодно

засаду бы на нас оставили. Неужто евреи? Отследили наше передвижение и решили воспользоваться? Мне, конечно, не жалко для доброго дела, но я на них как-то не рассчитывал. Жить становится все интереснее и интереснее. Оставив здесь несколько человек в качестве охраны, мы продолжили свой путь и вскоре были на месте.

Охранение лагеря заметило нас лишь только тогда, когда мы к нему приблизились на десяток шагов. Пропали все на свете. Встретившему нас Ерофееву пришлось выслушать от меня пару ласковых слов за такую организацию охраны. Прощало его только то, что часовые были из числа раненых, что могли передвигаться. Пришлось их менять на бойцов, что прибыли со мной. Заодно пересматривать систему обороны лагеря, распределяя сектора и участки обороны. Хорошо, что, пока мы тут стояли, многое успели приготовить заранее. Как бы ни было тяжело людям после марша и ночных боев, а о безопасности думать стоило в первую очередь. Бойцы это понимали и все приказания выполняли беспрекословно. Я надеялся на то, что здесь мы сможем пробыть несколько дней. Надо провести разведку, отдохнуть, переформироваться, дать возможность отлежаться раненым и определиться с будущими планами. Для этого егеря и разведчики были сразу же направлены в сторону хутора, бывшей польской базы и к перекрестку дорог.

Территория лагеря представляла собой лунный пейзаж. Горелые остатки палаток, сломанные повозки, разрушенная кухня и коновязь дополняли картину разрушения. Как пояснил Петр, то же самое было и с семейным лагерем. По ним отработал бомбами как минимум штафель. На краю лагеря, ближе к дороге, была оборудована братская могила с десятком фамилий на деревянном памятнике. Рядом была отрыта еще одна,

в нее укладывали тех, кто погиб по дороге в лагерь. Петр доложил, что, двигаясь по дороге, на подъезде к лесу мобгруппа попала под обстрел каких-то ухарей, пытавшихся остановить грузовики огнем из кустов. Что интересно, самоходки они пропустили, а вот грузовикам досталось. Обстрел велся из винтовок и пулеметов с обеих сторон дороги. Отбились. Из пулеметов зенитки расстреляли нападавших, но беды избежать не удалось, погибло несколько раненых и фельдшер. Уже здесь, в лагере, от ран и отсутствия квалифицированной помощи умерло еще несколько человек.

Вся наличная техника была замаскирована масксетями и ветками. Сержант Козлов, командовавший нашими бронесилами, рассредоточил ее под деревьями. Обе самоходки своими орудиями смотрели на дорогу и выход из леса. Трофейное противотанковое орудие было развернуто метрах в ста от позиций самоходчиков, а зенитка прикрывала тылы.

Озадачив личный состав работами по дооборудованию лагеря, я собрал командный состав на военный совет. Надо было решить, что делать дальше. В принципе у меня уже было решение, но я хотел услышать мнение остальных. Слишком большая солянка собралась в отряде: от пограничников и танкистов до ездовых и саперов. Я был уверен в своих бойцах — егерях, снайперах, «панцерниках», но остальные во многом оставались для меня загадкой. Слишком мало времени они были у меня на глазах, и я не успел их изучить. Да, мы вместе сражались в крепости, отбивали атаки врага, пережидали артобстрелы, но мне хотелось знать, что у них творится в голове. Ведь у каждого из них было свое мнение на окружающий мир. Пока оборонялись и прорывались из крепости, мы были единым целым. Мне подчинялись как старшему по воинскому званию, а что будет потом? Например, когда встретим кого с большим количеством

геометрических фигур в петлицах или когда пойдем по лесам? Останутся ли бойцы верными присяге или постараются раствориться в лесах Беларуси? На кого я могу рассчитывать в нашем рейде по тылам врага? Вот маленький перечень вопросов, что меня волновали.

Рассевшись на сохранившемся основании моей бывшей палатки, народ приготовился слушать указания. Я же обрисовал наше положение и предложил всем высказаться, что делать дальше. Мое предположение о различии взглядов у сержантов оправдалось. У каждого был свой взгляд и ответ. От — переждать здесь, в лесу, нанося удары немцам, до — двигаться на соединение с нашими войсками, на восток. Предложений отказаться от борьбы и разойтись по домам или сдать врагу не поступило. Я был этому очень рад.

Выслушав всех, я огласил решение:

— Мы пойдем на соединение с нашими войсками. Не просто пойдем, скрываясь от глаз противника в лесах и болотах, а стараясь нанести ему максимальный вред. С имеющимися силами нам прописана тактика «партизанско-диверсионных действий». Поскольку в лобовом столкновении на поле боя с немцами наши шансы победить малы, будем исходить из следующего. Объектами наших атак будут тылы врага, его колонны снабжения, маршевые пополнения, мосты, штабы и аэродромы! Наша тактика будет простой — неожиданно ударить, собрать трофеи и убежать. Считаю, что она наиболее оправданная. Так мы нанесем немцам максимальные потери, стараясь при этом не терять своих бойцов.

Мое решение было всеми одобрено.

Кроме того, на совещании рассматривался вопрос реформирования отряда. В наличии было сто пять человек, больше половины из которых в той или иной степени ранены. По большому счету в моем распоряже-

нии было два стрелковых взвода и мобгруппа, то есть неполная рота со средствами усиления. Наиболее укомплектованным и подготовленным был мой бывший взвод, с численностью сорок два человека. 21 июня в Брест мы выезжали двумя отделениями, остальные оставались в лагере и на базе. Надеюсь, что бойцы поступили, как я им указывал, — осели на базе и ждут меня. Завтра в «почтовом ящике» проверю, насколько меня послушались. По договоренности Егоров в любом случае должен был оставить мне сообщение.

22 июня в казарме полка из остатков роты я добрал себе бойцов до штатной численности взвода, и с ними мы вступили в бой. В ходе боев в крепости из них потеряли пять человек убитыми и восемь ранеными. На место выбывших пришли парни из разведбата и инженерного полка. Пока была возможность, в минуты затишья, Виктор Малышев и Петр Ерофеев натаскивали их на действия штурмовыми группами и в качестве пулеметных расчетов. Благо трофейных пулеметов хватало. Только во взводе их сейчас десять, в том числе два станковых. Более или менее штатными оставались лишь два отделения — снайперов и егерей. Им пока везло. Не было ни погибших, ни тяжелораненых, отделялись легкими царапинами. Снайперы так даже росли в численности. Просто так взять и набрать к ним еще людей в осажденной крепости не было возможностей. Хороших стрелков хватало, но командиры групп и участков обороны неохотно расставались с ними, а настаивать у меня не было права. Стоит признать, нескольких парней мне все же удалось урвать себе в отряд. Большие надежды у меня были на «конвойцев». Среди них были штатные снайперы с еще довоенной подготовкой, но гибель в казарме батальона сразу двух групп бойцов похоронила мои надежды на корню. Тем не менее все восемь моих снайперов имели неплохие вторые номера.

Надеюсь, со временем удастся создать в отряде штатный снайперский взвод.

В мое отсутствие взводом командовал Ерофеев. Чтобы не изменять традиции, я назначил его своим заместителем и в отряде.

Вторым по численности и подготовке был сводный взвод пограничников сержанта Петрищева, общей численностью двадцать один человек. В него входили те, кто сражался на Западном острове, и остатки группы Кижеватова. Мне очень хотелось, чтобы их было больше, но каждый сам выбрал свою судьбу. Часть пошла на прорыв с полковым комиссаром (в его охране), другие отказались покидать границу и отступать в тыл. Третьи, неспособные самостоятельно передвигаться, остались прикрывать наш отход из цитадели. Сейчас их неотправленные письма лежат у меня в ранце.

Во взвод Сергея я направил всех оставшихся целыми «конвойников». Все же из одного ведомства. Пограничников я планировал использовать как разведвзвод, комендантский взвод и Особый отдел одновременно. Других проверенных людей у меня нет, а особисты мне как воздух нужны. За людьми нужен глаз да глаз, да и по пути народ приставать будет. Я, что ли, их проверку проводить буду? У них во взводе пара сержантов третьего года службы присутствует, вот они и возьмут на себя функции особистов. Надеюсь, за время службы опыта поднабрались, вот пусть с людьми поговорят, на них посмотрят и мне доложат. Кроме того, их же я собирался использовать в качестве резерва командного состава, уровень образования и подготовки это позволял. Почему это задумал? Потому что пока будем по лесам бродить, народа «бесхозного» себе наберем, вот и потребуются командиры для сборной солянки.

Мобгруппу сержанта Козлова трогать не стал. Парни там собрались стоящие. Одни водилы чего стоят. К нам